

ОТЪЛЕСКИ.

Въ пьесѣ Чехова «Ивановъ» есть одно, дѣйствительно, странное мѣсто, когда герой кричитъ своей женѣ:

— Такъ знай, что ты скоро умрешь...

И эти слова производятъ на несчастную такое же впечатлѣніе, какъ самый суровый судебный приговоръ.

— Все кончено.

Жизнь потеряла всю свою разумную окраску и кажется унылой, сѣрой дорогой, которая ведетъ къ могилѣ. Мы находимъ, что Ивановъ жестокъ, неумолимъ, но оправдываемъ его отчасти потому, что онъ это сдѣлалъ въ порывѣ злобы и бѣшенства.

Но когда такой же приговоръ подносятъ человѣку совершенно хладнокровно, то этому нѣтъ извиненій. Недавно произошло слѣдующее: одного господина обвиняли въ покушеніи на убійство. Въ виду явно выраженныхъ подсудимымъ признаковъ ненормальности, его подвергли изслѣдованію, и врачи признали его неизлѣчимо больнымъ и въ стадіи болѣзни, близкой уже къ смерти. Обвиняемый все ждалъ назначенія дѣла въ судъ и, отправившись въ канцелярію, навелъ справку.

— Ваше дѣло прекращено.

— Почему?

— Въ силу докторскаго свидѣтельства, согласно которому вы признаны неизлѣчимо больнымъ и наканунѣ смерти.

И въ подтвержденіе словъ несчастному предложили прочесть бумагу. Онъ прочелъ ее и тихо вышелъ... Имѣли ли право въ судъ показать ему бумагу, или она составляетъ секретъ?

Вопросъ очень интересный и требующій разрѣшенія. Что переживаетъ этотъ больной, который знаетъ, что онъ близокъ къ смерти и что избавившись отъ земного суда, онъ близокъ къ другому?

Жизнь поблекла, потускнѣла и каждый день новое звено цѣпи мученій, новый томительный вопросъ:

— Скоро ли?

Бобыль.